

Екатерина Кострова

Я, кот и валерьянка

Екатерина Кострова

Я, кот и валерьянка

«Автор»

2026

Кострова Е.

Я, кот и валерьянка / Е. Кострова — «Автор», 2026

Кира — начальник финансового отдела. Она привыкла считать деньги, риск и мужчин. Последних, кстати, у неё не густо: после сорока трёх неудачных свиданий Кира почти убедилась, что идеальных не существует. Её единственный надёжный партнёр — чёрный кот Зося. Он молчит, ест колбасу и без валерьянки впадает в священный экстаз. Когда подруга Лариса подсовывает Кире то сантехника с коллекцией аниме, то бывшего одноклассника-ботаника, разбогатевшего на собачьих монетах, жизнь превращается в цирк. Но в этом цирке вдруг находится место для честности, взрослых разговоров и мужчины, который не боится, что женщина умнее. Смешная, горькая и удивительно тёплая проза о том, как не сломаться, не потерять себя и вовремя понять: иногда счастье — это когда никто не сдох, и НДС сошёлся.

© Кострова Е., 2026

© Автор, 2026

Екатерина Кострова

Я, кот и валерьянка

Глава 1. «Доза №1. Начальник финансового отдела и алгебра свиданий».

Валерьянка в доме появилась случайно. Как всё случайное в жизни женщины за тридцать пять — то есть в результате долгого, мучительного и совершенно идиотского вечера.

Я сидела на кухне в три часа ночи с бутылкой дешёвого красного, которое взяла в Пятёрочке, потому что нормальные винные магазины уже закрыты, а жизнь требовала немедленного вмешательства. Жизнь — это я, Кира Валерьевна Соболева, тридцать шесть лет, начальник финансового отдела в одной большой компании, которую я называю про себя «Змеинный питомник», и чёрный кот Зося. Полное имя — Зосима. Зося сидел на холодильнике и смотрел на меня с выражением глубочайшего презрения, которое у котов получается лучше, чем у людей, потому что люди хотя бы иногда притворяются.

— Не смотри на меня так, — сказала я. — Ты вообще кто такой? Ты живёшь здесь бесплатно, ешь мой корм, спишь на моей подушке и даже не приносишь мышей. Я тебя содержательница, а не ты меня.

Зося моргнул один раз. Это у него фирменный жест — «я бы тебя уничтожил, но ты слишком жалкая». Потом он демонстративно отвернулся и начал вылизывать лапу. Со значением: разговор окончен, человеческий материал не подлежит переработке. Я вздохнула и допила третий бокал.

Вечер был прекрасен. Сначала совещание, на котором мой зам Петрович — мужик под шестьдесят, который не умеет пользоваться Экселем, но зато умеет пить кофе на совещаниях так, чтобы все видели, какой он занятой — сообщил, что его отдел снова ошибся в расчётах. Потом звонок от мамы. Мама сказала голосом, которым говорят о покойниках: «Кира, ну когда уже? Ты не молодеешь. У Ленки с третьего подъезда внук уже в школу пошёл». Потом — свидание.

Ах да, свидание. Сорок третий кандидат за этот год. Я уже сбилась со счёта, но подруга Лариса сказала вести учёт, потому что «так нагляднее». Лариса считает, что всё в жизни — это аналитика. Она сама замужем за программистом, у них двое детей, и поэтому считает себя экспертом по моему одиночеству. Удобная позиция, ничего не скажешь. Сидишь с мужем, пока он молча программирует, и говоришь подруге: «Ты слишком разборчива».

Мужика сегодня звали Антон. Он был высокий, с ухоженной бородой, дорогими часами и такой уверенностью в себе, что её можно было намазывать на хлеб вместо масла. Первые десять минут он рассказывал про свою карьеру в продажах. Я сидела и кивала, потому что это ещё терпимо. Потом он перешёл к главному.

— Кира, — сказал Антон, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди. Это был жест победителя и человека, которому сейчас откроют счёт в ресторане. — Я сразу скажу, как есть, чтобы потом не было недопонимания.

— О, — сказала я. — Давай.

— Я обеспечиваю семью. Полностью. Это моя роль, моя ответственность, моя территория.

Я подумала: звучит как описание должностной инструкции. Но вслух не сказала, потому что было очень интересно, куда он клонит.

— Женщина, — продолжил Антон и сделал паузу, как будто произносил тост на юбилее, — нужна мне для поддержки. Понимаешь? Я прихожу домой с работы уставший. Я решил тысячу вопросов и мне нужно, чтобы дома было тепло, спокойно, и чтобы меня ждали.

Я кивнула. Пока ничего криминального, только слишком пафосно.

— И понимание, — добавил он, понизив голос почти до шёпота, как будто открывал государственную тайну. — Понимание того, что моя работа — это сложно. Что я не могу всё время быть ласковым, а иногда мне нужно побыть одному. Идеально, когда в спальне висит «доска настроения». Зеленый, значит, что я готов к общению на любые темы. Жёлтый - обсуждаем только то, что я предлагаю. Красный – я не в настроении. Такая простая схема поможет избежать лишних конфликтов. Так же в семье я принимаю решения, и эти решения не обсуждаются.

А вот это уже было интереснее, даже больше, чем светофор в спальне (хотя раньше я понимала это несколько в другом свете, больше в части «стоп слово»).

— Не обсуждаются? — переспросила я.

— Абсолютно. Я мужчина, поэтому глава семьи. Я знаю, как лучше. Женщина должна доверять мне. Если она начинает сомневаться, спорить, предлагать свои варианты — это подрывает мою мужскую энергию.

Я отставила бокал. Честно говоря, я хотела посмотреть, как далеко он зайдёт. Как человек, который каждый день видит финансовые отчёты и балансы, я люблю, когда кто-то раскрывает себя полностью, без остатка. Антон явно собирался выложить весь свой внутренний преискуронт.

— Я люблю, — сказал он, — когда женщина улыбается. В моем мире она встречает меня в красивой одежде, а на столе ждет вкусный ужин. Я не говорю, что она должна сидеть дома, нет. Но её карьера не должна мешать моей.

— А если её карьера важнее твоей? — спросила я. Просто из спортивного интереса.

Антон замер. Как будто я спросила, не хочет ли он станцевать ламбаду.

— Важнее? — переспросил он. И тут я увидела, что в его глазах промелькнуло что-то вроде паники. Короткой, быстрой паники человека, которому никогда не приходило в голову, что женщина может быть начальником финансового отдела с бюджетом в триста миллионов. — Не бывает важнее, — сказал он наконец. — Моя работа — это фундамент. Всё остальное — надстройка.

— А кто платит в ресторане? — спросила я.

— Конечно, я. Мужчина всегда платит. Это вопрос чести.

— Хорошо, — сказала я. — А кто решает, куда поехать в отпуск?

— Я, но я учитываю мнение женщины, если оно разумное.

— А если оно неразумное?

Антон покровительственно улыбнулся, как учитель отстающему ученику.

— Тогда я объясняю, почему моё решение правильное.

Я сидела и смотрела на него. Красивый, ухоженный, с часами за несколько тысяч долларов. И абсолютно невыносимый. Как говорила моя бабушка: «Хорош, как икона, да больно дорог». Я чувствовала себя как соискатель на собеседовании, которому только что предложили работу на трех вакансиях, но с одной зарплатой МРОТ: утром работа в офисе, вечером у плиты, а ночью «эмоциональной поддержкой».

— То есть, — сказала я медленно, подбирая слова, — тебе нужна не жена, а ассистентка с функцией улыбки и готовки?

Антон поморщился.

— Ты передёргиваешь. Мне нужна поддержка, понимание. Когда женщина говорит: «Антон, ты всё правильно решил, я с тобой». Это называется командная работа.

— Командная работа, — повторила я. — Где один принимает решения, а второй улыбается и готовит ужин?

— А что в этом плохого? — искренне удивился Антон. — Я даю женщине стабильность, защиту, финансовую свободу. Разве это не мечта?

И тут я не выдержала.

— Антон, — сказала я, — я начальник финансового отдела. Я сама даю себе стабильность. У меня своя квартира, своя машина, свой счёт в банке. Защита? От кого? От продавцов в Пятёрочке? Финансовая свобода? У меня её больше, чем у тебя, если судить по тому, как ты нервно проверил чек после первого бокала.

Он побледнел.

— Это грубо, — сказал он.

— Это правда. Ты ищешь не женщину, а зеркало, которое будет отражать твоё величие. И улыбаться при этом.

— А чего ищешь ты? — спросил он с вызовом.

Я задумалась на секунду.

— Я ищу мужчину, который не боится, что я умнее. Который не считает, что поддержка — это когда я киваю. Который может сказать: «Я не знаю, давай решим вместе». Понимаешь? Вместе. Это слово ты забыл.

Антон встал. Достал кошелёк, положил на стол купюру — ровно половину счёта, я заметила — и сказал:

— У тебя мужская энергия, это отталкивает.

— А у тебя, Антон, женская логика. Ты хочешь, чтобы женщина была сильной, когда тебе надо, и слабой, когда тебе надо. Так не бывает.

Он ушёл не попрощавшись. Официант принёс счёт. Я доплатила его половину — потому что если Антон считает, что заплатил правильно, то пусть подавится своей «честью».

Я ещё час сидела в кафе, переписываясь с Ларисой. Лариса написала: «Ну ты и дура. Он же нормальный был, с деньгами». Я написала: «У него рубашка мятая». Лариса: «Ты придираешься». Я: «И он чавкает». Лариса: «Все мужчины чавкают». Я: «Мой не будет». Лариса: «Где твой, Кира?» И вот тут уже не ответить, потому что вопрос риторический и обидный. Мой мужчина мечты — где он вообще? Может, он застрял в лифте? Может, его похитили инопланетяне? Может, он просто умный и сидит дома, радуясь, что ему не надо ходить на свидания с Антонами, которые ищут ассистентку с привилегией ночевать в его спальне?

В общем, вернулась я домой, открыла вино и полезла в аптечку за успокоительным.

И там, среди коробок с Цитрамоном (головные боли от Петровича) и старыми рецептами (передайте маме привет), стоял пузырёк валерьянки. Честно говоря, я не помню, когда её купила. Может, для Зоси? Хотя Зося — чёрная тварь с характером старого уголовника — на валерьянку реагирует как наркоман со стажем. Один раз он учуял каплю, и я полчаса отдирала его от шторы.

— Зося, — позвала я. — Хочешь?

Зося сделал вид, что не слышит. Он так умеет. Он сидел на холодильнике и вылизывал лапу со значением «я существо высшего порядка и со мной не разговаривают в таком тоне, даже если ты принесла валерьянку».

Я капнула три капли на блюдце и поставила на пол. Зося не спеша прыгнул с достоинством кота, которому платят за каждый шаг королевским советом, подошёл к блюдцу и понюхал. И тут случилось то, что я не забуду никогда.

Зося открыл рот. Не для того, чтобы чихнуть или укусить. Нет. Он открыл рот так, как будто хотел что-то сказать. Как будто наконец-то собрался выдать ту самую речь, которую готовил все девять лет своей кошачьей жизни. Глаза у него стали огромные — такие бывают только у котов, когда за дверью шуршит пакет с колбасой или когда они видят птицу за окном и понимают, что никогда её не поймают. Зрачки раздулись, как у инопланетянина, который только что понял, что земляне — тупые мясные мешки, но хотя бы валерьянку придумали правильную.

— Ты чего, — спросила я.

Зося лизнул блюдце, потом ещё раз. Потом лизнул мою руку — он никогда не лижет мою руку, для него это ниже кошачьего достоинства, он считает, что облизывание — это унижение, которое можно допустить только в обмен на сметану.

— Это что за нежности? — удивилась я.

Зося издал звук. Я не знаю, как его описать. Это не было мурчание или мяуканьем. Это было что-то среднее между моторной лодкой, отбойным молотком и предсмертным хрипом бабушки, которая наконец-то доползла до туалета. И потом он упал на бок и начал кататься по полу, глядя на меня безумным взглядом.

Я сидела и смотрела на это. Мой кот, который обычно ведёт себя как старый аристократ на пенсии — важный, медленный, брезгливый — катался по линолеуму с выражением счастья на чёрной морде: он извивался, тёрся спиной об ножку стула, пытался поймать собственный хвост и, кажется, потерял ориентацию в пространстве.

— Зося, ты живой там?

Вместо ответа он вскочил, пробежал три круга по кухне, запрыгнул на стол, скинул мой бокал (половина вина на пол, половина на меня, спасибо, родной), потом спрыгнул, залез в мой пакет с продуктами и начал там рыться, как будто искал заначку с кошачьей мятой. Вытащил палку колбасы. Не ту, которую я купила себе — дорогую, а самую дешёвую, для него. Но вытащил с таким видом, будто нашёл сокровище.

— Ты в своём уме? — спросила я.

Зося сел посреди кухни. Надел колбасу на лапу — я не знаю, как он это сделал, но факт остаётся фактом — и посмотрел на меня осмысленно. Серьёзно, как будто хотел сказать: «Кира, всё, что ты делала до этого, было неправильно. Бросай работу. Бросай свидания. Бросай Ларису. Оставайся дома. Корми меня колбасой и капай валерьянку. Это и есть счастье».

Я достала телефон, сфотографировала и отправила Ларисе. Лариса ответила через минуту: «Это ты?» Я: «Нет, это кот под валерьянкой, а я — закадровый голос». Лариса: «С ума сошла, зачем ты животное наркоманом делаешь?» Я: «Он сам выбирает свой путь». Лариса не оценила. Лариса вообще не ценит кошачьей философии.

А потом Зося запрыгнул ко мне на колени. Это вообще было невероятно, потому что Зося не прыгает на колени. Зося считает, что мои колени недостойны его чёрной задницы. Он выше этого. Он спит на моей подушке, но только когда меня нет дома. Он ест из моей тарелки, но только если я отвернулась. А тут он вдруг запрыгнул — тяжело, с глухим стуком — свернулся клубком, положил голову мне на грудь и посмотрел на меня так, как будто я — самое главное существо в его жизни. Как будто все эти десять лет он просто ждал, когда я накапаю ему три капли, чтобы наконец-то признаться в любви.

Я замерла. Сердце ёкнуло, честное слово. Потому что когда твой чёрный кот — циничный, независимый, наглый — вдруг падает тебе на колени и мурлычет, это сильнее любого «я тебя люблю» от Антона, который ищет поддержки и понимания, но при этом не может понять, что поддержка — это когда ты не один, а вместе.

— Ты чего, Зося?

Он громко мурлыкнул, с надрывом. Как трактор, который завёлся после долгой зимы. И потом — я клянусь — он закрыл глаза и вздохнул так глубоко, как вздыхает человек, который наконец-то понял, что можно всё бросить и уехать на море. Или как кот, который понял, что валерьянка — это лучше, чем любая мышь.

Я сидела и гладила его. Тихо. Час ночи. Вино красное. Кот под валерьянкой. И я подумала — а ведь если бы мужчины были такими, как этот чёрный дурак после трёх капель? То есть сначала важные, неприступные, с достоинством, потом вдруг безумные, а потом — тёплые, нежные и благодарные. Которые не требуют, чтобы ты улыбалась и готовила ужин, а просто лежат на тебе и мурлычат. И которым не надо объяснять, почему их решение — не единственно правильное, потому что у них нет решений. У них есть только колбаса, валерьянка и ты.

Но мужчины не коты. Мужчины — это Петрович, Антоны, мамины звонки и подруга Лариса, которая считает, что я должна брать что дают. Я погладила Зосю по голове. Он засопел и начал перебирать лапами, как будто ему снилось, что он куда-то бежит. Наверное, за той самой мышью, которую никогда не поймает.

— Знаешь, — сказала я ему. — А, наверное, так и надо. Ты, я и этот цирк. Мужчины подождут. Или нет. Или нет, Зося? Что ты думаешь?

Зося открыл один глаз. Посмотрел на меня и чихнул прямо мне в лицо. Со всей силы, как будто хотел сказать: «Вот моё мнение о твоих мужчинах, Кира. Вот и всё».

— Спасибо, — сказала я, вытираясь. — Очень ценный комментарий.

Зося зевнул, показав розовый язык, перевернулся на спину, подставил живот — он никогда не подставляет живот, для него это позор хуже, чем если бы его поймали за поеданием кактуса — и снова провалился в свой кошачий наркотический сон.

А я осталась сидеть с мокрым лицом, пустым бокалом и странным, необъяснимым чувством, что на самом деле мне не так уж и одиноко. Потому что, если твой чёрный кот после валерьянки падает на колени, чихает тебе в лицо и засыпает на твоей груди с видом счастливого идиота — это, чёрт возьми, уже что-то значит.

Лариса бы сказала, что я брежу. Лариса бы сказала, что пора завязывать с красным вином и купить нормальную мужскую тряпку вместо кота. Но Лариса не понимает. У неё программист, двое детей и ни одного нормального кота. Её программист не мурлычет, не падает на колени после трёх капель валерьянки. Он просто сидит и пишет код. И это, конечно, тоже поддержка, но не такая.

Глава 2. «Доза №2. Подруга Лариса: треугольник, где все лишние».

На следующее утро Зося выглядел так, будто его переехал грузовик, потом грузовик сдал назад, а потом водитель вышел и добил ногой.

Кот лежал на моей подушке — на моей, подушке, гад такой — раскинув лапы в стороны, и его хвост мелко подрагивал, как будто даже во сне он продолжал ловить валерьяночных драконов. Глаза открыты, но смотрят в никуда. Взгляд человека, который вспоминает вчерашнее и понимает, что завтра на работу, а больничного не дадут.

— Доброе утро, наркоман, — сказала я.

Зося медленно, с хрустом повернул голову. Посмотрел на меня с выражением глубочайшего раскаяния, смешанного с требованием немедленно принести ему завтрак.

— Не смотри так, — сказала я. — Сам себя довёл.

Он вздохнул так тяжело, как будто нёс на себе весь груз кошачьих проблем этого мира. И потом закрыл глаза, как осознавший бренность бытия и поэтому сдавшийся.

Я пошла на работу. Потому что начальнику нельзя позвонить и сказать: «Здравствуйте, я сегодня не приду, у меня кот под валерьянкой, надо его отхаживать». Хотя, честно говоря, я бы зауважала любого, кто так скажет. Может даже сразу бы повысила. Но никто так не говорит. Все приходят даже с температурой, даже с похмельем, даже когда внутри всё кипит от вчерашнего свидания с Антоном, который ищет поддержки и понимания.

Антон, кстати, написал в три часа ночи. После того как ушёл, не попрощавшись. Написал: «Ты сильная женщина. Я это уважаю, но ты слишком сильная. Тебе нужен кто-то, кто сможет тебя сломать. Я не такой». Я прочитала, подумала: «Сломать? Серьёзно? Какое романтическое клише». И не ответила. Потому что, если человек хочет тебя сломать, он не ищет партнёра, он ищет подопытного кролика. А я кроликом не была даже в детстве, когда мама заставляла меня есть кашу.

Но это всё лирика, а впереди был целый трудовой день. На «любимой» работе меня ждал Петрович. Как всегда. С его бесконечными «Кира Валерьевна, а можно к вам?» и «Кира Валерьевна, вы не видели отчёт?» Конечно, не видела, Петрович, ты сам его неделю назад положил

в папку «Разное», а папку «Разное» ты назвал «Новая папка (5)» и засунул в архив прошлого года. Я нашла, за три минуты, потому что я начальник финансового отдела, а не дворник.

Но сегодня Петрович был не самым страшным. В обед пришла Лариса.

Лариса — это отдельная песня. Мы дружим с института. Она была та девушка, которая всегда знала, что делать. В двадцать лет она знала, что надо выходить замуж за перспективного. В двадцать пять — что надо рожать, пока ноги ходят. В тридцать — что главное в жизни — это стабильность, даже если стабильность — это муж-программист, который говорит с тобой только о погоде и о том, что у них на сервере упала база данных.

Лариса вошла в мой кабинет без стука. Она всегда входит без стука. Считает, что дружба даёт ей право нарушать все правила приличия, включая те, которые написаны в кодексах.

— Кира, — сказала она, скидывая пальто на стул для посетителей. — Ты вчера была идиоткой.

— Здравствуй, Лариса. Я тоже рада тебя видеть. Садись.

Она села. Не на стул для посетителей, конечно, а на мой стол. Прямо на отчёт по налогам. Я мысленно перекрестилась и решила, что это очень символично, положить пятую точку на налоги.

— Я серьёзно, — продолжила Лариса. — Ты чего устроила? Мужик нормальный, с работой, с квартирой, с машиной. Часы дорогие. Он тебе что плохого сказал?

— Он сказал, что будет обеспечивать семью и ему нужна поддержка.

— Ну и что тут плохого?

— Лариса, он сказал, что его решения не обсуждаются.

— Ну и что? Мой тоже так говорит. Это нормально.

Я посмотрела на Ларису. На её ухоженные руки, на новое кольцо — муж подарил, наверное, за то, что она не спорила про сервер, — и подумала: как мы вообще дошли до жизни такой, что «мои решения не обсуждаются» стало нормально?

— Лариса, — сказала я медленно, как учитель в школе для слабослышащих, — когда человек говорит «не обсуждаются», он не ищет партнёра. Он ищет подчинённого.

— Ну и что? — повторила Лариса. — Все мужики такие. Это у них от природы. Ты просто завышаешь требования. Тебе не принца нужно, тебе сантехника нормального.

Я поперхнулась кофе.

— Сантехника?

— А что? — Лариса пожала плечами. — У нас в доме сантехник живёт на первом этаже. Сорок лет, разведён, без детей. Тихо, спокойно. И руками работать умеет. Это тебе не Антоны с их амбициями.

— Лариса, ты предлагаешь мне пойти на свидание с сантехником?

— А почему нет? Ты думаешь, у сантехников души нет? Ты думаешь, они не мечтают о любви? Вон, Серёжа с первого этажа — знаешь, как он унитазы чинит? Как хирург.

Я закрыла глаза. Потому что, если я их не закрою, они выскочат из орбит и укатятся под стол.

— Я не хочу встречаться с мужчиной, чей главный навык — это умение чинить унитазы, — сказала я.

— Ага, — сказала Лариса. — А с Антоном, чей главный навык — это умение командовать, ты хотела? Так он тебя послал и правильно сделал.

— Лариса, у тебя муж — программист. Ты бы пошла за сантехника?

— Мой муж — программист, — обиделась Лариса. — У него IQ сто сорок.

— А у сантехника, наверное, тоже есть IQ. Просто он им унитазы чинит.

Лариса вздохнула. Глубоко, как будто я была её больным ребёнком, который отказывается есть витамины.

— Кира, — сказала она, понижая голос до доверительного шёпота. — Тебе тридцать шесть. Ты красивая, умная, с работой. Но время идёт. Ты хочешь детей? Хочешь. Я тебя знаю. Ты хочешь семью. Но ты себя ведёшь так, будто тебе двадцать пять и ты можешь выбирать.

— Я и сейчас выбираю.

— Выбираешь между кем? Между котом и валерьянкой? Лариса усмехнулась. — Ты вообще последнее время только с котом и разговариваешь. Это ненормально, Кира. Ты не становишься моложе. И мужики, которые тебя интересуют, уже разобрали. Остались те, кто пьёт, или те, кто ищет мамочку. А Серёжа с первого этажа — нормальный мужик.

Я молчала. Потому что, если я начну говорить, я скажу Ларисе всё, что думаю о её счастье с программистом, который даже не помнит, сколько лет его детям. Но я не скажу. Потому что Лариса — моя подруга. И она действительно хочет как лучше. Просто у неё странное представление о лучшем.

— Ладно, — сказала я. — Дай телефон своего сантехника.

Лариса просияла.

— Вот и умница. Я сейчас, у меня в телефоне записано.

Она продиктовала номер. Сергей. Сорок лет. Разведён. Без детей. Живёт на первом этаже. Чинит унитазы. Я записала. Подумала: ну, хуже, чем Антон, вряд ли будет, как я ошибалась.

Свидание мы назначили на вечер четверга. В простой кофейне около дома. Без пафоса. Без часов и дорогих ресторанов. Как сказала Лариса, «расслабься, выпей кофе, поговори о жизни».

Сергей пришёл вовремя. Это плюс. Выглядел нормально: джинсы, свитер, небритость в меру. Не красавец, но и не пугало, без следов бурной молодости на лице.

— Привет, — сказал он. — Ты Кира? Лариса много о тебе рассказывала.

— Надеюсь, не слишком много, — сказала я.

— Да нет. Сказала, что ты начальник финансового отдела. Умная, красивая. И что тебе нужен нормальный мужик.

Я мысленно пообещала себе, что задую Ларису в ближайшие сутки.

— А ты, — сказала я, — кем работаешь?

— Сантехником, — сказал Сергей без стеснения, даже с какой-то гордостью. — Уже пятнадцать лет. Знаешь, это такая работа. Люди тебя вызывают, когда у них всё плохо. Ты приходишь и делаешь хорошо. Есть в этом что-то философское.

— Философское? — переспросила я.

— Ну да. Ты чинишь не просто трубы, ты возвращаешь людям покой. Представь: у тебя течёт унитаз, ты не спишь, нервничаешь, звонишь мне. Я прихожу, делаю своё дело, и ты снова можешь жить спокойно. Это ли не чудо?

Я не знала, что ответить. Потому что он говорил это так искренне, что у меня не поднялась рука съязвить.

— Ты прав, — сказала я. — Это важно.

— Важнее некуда, — сказал Сергей. — Вот ты, например, начальник. Ты возвращаешь покой людям?

— Нет, — честно сказала я. — Я возвращаю им деньги или отбираю, в зависимости от ситуации.

Сергей засмеялся. Хорошо засмеялся — открыто, без надрыва.

— Вот видишь, — сказал он. — У каждого своё предназначение. Ты — деньги, я — трубы. А вместе мы — база.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время. Потому что Сергей, в отличие от Антона, не пытался меня сломать или переделать, он просто разговаривал как с человеком. Потом мы заказали кофе. Потом пирожные. Потом я спросила про его хобби. И тут началось.

— Хобби? — переспросил Сергей. Его глаза загорелись как у ребёнка, которому показали фабрику мороженого. — Я тебя удивлю.

— Так какое?

Сергей замялся, потом достал телефон.

— Только ты не смейся.

— Я не буду, — сказала я. И соврала.

Сергей открыл галерею. И я увидела полки, много полок. На полках — фигурки: маленькие, большие, средние. Аниме-фигурки: девочки с огромными глазами, мальчики с разноцветными волосами, монстры, роботы, драконы.

— Это моя гордость, — сказал Сергей с таким чувством, с каким нормальные мужчины говорят о детях или о машинах. — Коллекционирую уже десять лет. Вот эта — редкая, лимитированная серия. Я за ней в Питер ездил. Это «мои девочки».

Он листал фотографии. Я смотрела. Мимо меня проплывали девушки в школьной форме, парни с мечами, кошки-переростки и какие-то существа, которых я не могла идентифицировать даже при помощи высшего образования. Он называл их имена, кажется там были Мико-тян, Асуки-сан. Но я не понимала, как их отличать друг от друга.

— А сколько их у тебя? — спросила я. Голос не дрогнул, за что я очень гордилась собой.

— Триста сорок две, — сказал Сергей. — И это только те, что на полках. Ещё пятьдесят в коробках, ждут своего часа.

— Триста сорок две, — повторила я.

— Ну да. Я считаю, у каждого должно быть что-то, что делает его счастливым. Кто-то в футбол играет, кто-то вышивает, а я собираю фигурки. Это моя отдушина.

Я подумала о своём коте Зосе. О том, как он вчера катался по полу под валерьянкой и надевал колбасу на лапу. «Отдушина», — подумала я. — «У каждого своя отдушина. У кого-то кот-наркоман, у кого-то триста сорок две аниме-девочки».

— А кредитки? — спросила я, потому что, если честно, Лариса говорила про три кредитки.

Сергей впервые за весь вечер покраснел.

— Ну, — сказал он. — Одна для жизни. Вторая для фигурок. Третья — запасная, для редких экземпляров. Я аккуратно ими пользуюсь, плачу вовремя.

— А квартира? — спросила я.

— Снимаю. Но большую, чтобы было место для коллекции.

Я сидела и смотрела на него. Сорокалетний мужчина. Сантехник. Три кредитки. Триста сорок две фигурки. Снимает квартиру. Говорит о возвращении покоя.

И знаешь, что самое страшное? Он был милый и честный. Он не пытался меня сломать, не требовал поддержки и понимания, не говорил, что его решения не обсуждаются. Он просто сидел, пил кофе, ел пирожное и показывал мне своих аниме-девочек.

— А женщина? — спросила я. — Ты разведён. Почему?

Сергей вздохнул.

— Она не поняла мое хобби, — сказал он. — Сказала, что я инфантильный, что деньги лучше тратить на квартиру. Что фигурки — это для подростков. А я так не считаю.

— И что? — спросила я.

— А ничего. Развелись. Она вышла замуж за продавца в магазине бытовой техники. Говорит, он взрослый. А я, говорит, нет.

— Ты считаешь себя взрослым?

— Я чиню унитазы, — сказал Сергей. — Я плачу налоги, вовремя плачу по кредитам. Я не пью, не курю, не колочусь. У меня есть коллекция, которая меня радует. Это недостаточно взрослый набор для тебя?

Я задумалась. Честно задумалась. Потому что вопрос Сергея был не глупым, он был очень правильным.

Взрослый — это кто? Антон, который хочет, чтобы его решения не обсуждались? Программист Ларисы, который не помнит, сколько лет его детям? Петрович, который не умеет пользоваться Экселем? Или Сергей с его фигурками, который каждую субботу ездит на рынок за новым экспонатом?

— Не знаю, — сказала я честно. — Я сама ещё не поняла, что значит быть взрослой.

Сергей улыбнулся.

— А давай не будем спешить? — предложил он. — Давай просто встречаться. Я буду чинить твои трубы, если что. Ты будешь рассказывать про свои финансы. А вечерами я буду пылить фигурки, а ты — гладить своего кота.

— У меня кот-наркоман, — сказала я.

— У меня коллекционерский невроз, — сказал Сергей. — Мы друг друга стоим.

Я громко засмеялась, так, что официантка обернулась. И подумала: а ведь Лариса была права и неправа одновременно. Потому что Сергей — не мужчина мечты. У него три кредитки, снимает квартиру и женится на пластиковых девочках. Но он не ломает и не требует. Он просто есть.

Когда я вернулась домой, Зося сидел на подоконнике и смотрел на улицу. Взгляд осмысленный, грустный, похмельный.

— Ну что, Зося, — сказала я, скидывая пальто. — Нашла я тебе кандидата. Сергей, сантехник. Три кредитки. Триста сорок две аниме-фигурки. Говорит, что возвращает людям покой и что мы друг друга стоим.

Зося повернул голову, посмотрел на меня и широко и с хрустом зевнул. Как будто хотел сказать: «Кира, ты издеваешься? Ты начальник финансового отдела. У тебя кот с характером серийного убийцы. И ты хочешь связаться с мужиком, у которого триста сорок две пластиковые бабы на полках?»

— А ты что предлагаешь? — спросила я.

Зося прыгнул с подоконника, подошёл к миске, посмотрел на меня, потом на пустую миску, потом снова на меня.

— Голодный? — спросила я.

Зося кивнул. Я клянусь, он кивнул. Или мне показалось. После вчерашнего я уже ничего не исключаю. Я насыпала ему корма. Он поел. Потом подошёл ко мне, потёрся о ногу и лёг на мои тапки.

— Вот, — сказала я. — Ты, я и Сергей-сантехник. Как тебе такой треугольник?

Зося закрыл глаза, ничего не сказал, но я поняла. Треугольник, где все лишние. Потому что в этом треугольнике только двое — я и кот, а остальные — декорации или фигурки. Триста сорок две штуки. Я взяла телефон и написала Ларисе: «Сантехник странный, но приятный. Посмотрим».

Лариса ответила через минуту: «Не выёбывайся».

Я не стала спорить, просто погладила Зосю по голове и подумала: «Ничего. Ничего, Зося. Прорвёмся. С тобой или без них. С фигурками или без. Но прорвёмся». Зося чихнул. Согласился.

Глава 3. «Доза №3. Мамин визит: война с валерьянкой и союзами».

Мама приехала в субботу утром.

Я узнала об этом за пятнадцать минут до её прибытия, потому что мама не предупреждает. Мама считает, что предупреждение — это слабость. Настоящая женщина должна нагрянуть внезапно, чтобы застать врасплох все те ужасы, которые ты скрываешь: грязную посуду, немытого кота. И, конечно, отсутствие внуков.

Звонок в дверь раздался ровно в десять. Я была в халате, с невымытой головой и Зосей на коленях. Кот после вчерашней дозы валерьянки пребывал в состоянии философа-стоика: он смотрел в одну точку и перебирал лапами, будто считал невидимые деньги.

— Открывай, — сказала мама в домофон голосом, не терпящим возражений.

Я открыла. Мама влетела в квартиру как ураган, который при этом считает себя благодатным дождём. В одной руке — сумка с продуктами (котлеты, соленья, варенье «на случай ядерной войны»). В другой — пакет с чистыми полотенцами («у тебя свои, наверное, уже воняют»).

— Кира, — сказала мама, скидывая обувь прямо в прихожей, — ты похудела? Или это просто свет такой неудачный?

— Здравствуй, мама.

— Здравствуй, дочка. — Она чмокнула меня в щёку и сразу переключилась на Зосю. Кот сидел на диване с таким видом, будто его назначили председателем суда, а подсудимая только что вошла.

— А этот что сидит? — спросила мама. — Животное, которое не здороваётся, - не воспитанное.

— Он кот, мама.

— И что? Собаки вон здороваются. Лапу дают. А этот — нахал.

Зося прищурился. Мама прищурилась в ответ. Между ними пробежала та молния, которая возникает, когда два хищника оценивают друг друга перед схваткой. Мама была крупнее. Зося — наглее. Счёт пока равный.

— Пойду котлеты пожарю, — объявила мама и двинулась на кухню.

Я пошла за ней, потому что оставлять маму одну на кухне — это как оставлять ребёнка в магазине игрушек, только последствия хуже. Она могла переложить мои кастрюли, помыть полы, выбросить то, что «жалко смотреть», и переставить банки так, что потом я три месяца не могла найти соль.

Первым делом мама открыла холодильник.

— А где котлеты? — спросила она.

— Я не готовлю котлеты, мама. Я работаю.

— Работа — это не жизнь. Жизнь — это еда и семья. — Она вытащила из своей сумки свёрток с фаршем. — Смотри, какой фарш! Сама крутила!.. Мясник сказал — лучший, а ты, я смотрю, вообще не ешь: одна колбаса в холодильнике и полбанки сметаны. Это что, питание начальника финансового отдела?

— Это питание человека, который забыл купить продукты.

— Забыла она. — Мама вздохнула. — В твоём возрасте, Кира, надо не забывать, а думать. О будущем, детях, муже. А ты о чём думаешь? О своих отчётах.

Я промолчала. Потому что спорить с мамой — это как доказывать коту, что валерьянка вредна: бесполезно и унижительно.

Пока мама жарила котлеты, она успела сделать три замечания: первое — что у меня на окнах пыль («ты что, её коллекционируешь?»), второе — что Зося сидит на том месте, где должны сидеть дети («только коту и радость, а должна бы внуки были радовать»), и третье — что я слишком много работаю («деньги не главное, Кира, ты что, не понимаешь?»).

— Мама, — сказала я, — деньги — это главное, когда их нет. У меня они слава Богу есть. Всё остальное — потом.

— Всё остальное! — Мама перевернула котлету с таким драматизмом, будто это был не фарш, а судьба человечества. — А тебе не кажется, что потом может не наступить?

— Кажется, но мне и сейчас неплохо.

Мама замолчала. Это было опасное молчание. Я уже знала — сейчас она сменит тактику, вместо лобовой атаки перейдёт к партизанским действиям. Так и случилось.

— Кира, — сказала мама, выключая плиту, — у тебя есть валерьянка?

Я замерла.

— Зачем?

— У меня нервы от твоей жизни.

— Мама, ты всегда говоришь, что у тебя нервы от моей жизни.

— Потому что ты даёшь поводы. — Она открыла ящик стола, потом другой. — Где у тебя аптечка?

— В ванной, под раковиной.

Мама ушла в ванную. Я осталась на кухне, сжимая кружку с остывшим чаем. Зося спрыгнул с дивана и тихонько прошмыгнул следом. Я не успела его остановить — и сейчас поняла: это конец.

Из ванной раздался звук, похожий на боевой кошачий клич. Мама вышла с пузырьком валерьянки в одной руке и смятой коробкой цитрамона в другой.

— Кира Валерьевна, — сказала она ледяным голосом, в котором не было ничего маминного. Только приговор. — Что это?

— Валерьянка, — сказала я.

— Для кого?

— Для кота.

Мама посмотрела на меня. Потом на пузырёк. Потом на Зосю, который сидел у порога ванной и смотрел на пузырёк с таким вожелением, будто это была не настойка, а билет в рай.

— Кира, — сказала мама, — кота кастрировать надо, а не валерьянкой травить.

— Он на валерьянку нормально реагирует, — соврала я. — Успокаивается.

— Я вижу, как он успокаивается. — Мама ткнула пальцем в сторону Зоси. — Он смотрит на пузырёк, как алкаш на ларёк. Это не нормально.

Зося медленно перевёл взгляд с пузырька на маму и зевнул. Широко, с хрустом, демонстрируя все свои зубы. Мама не отступила.

— Значит так, — сказала она. — Валерьянку я забираю. Кота — на операцию запишу. А тебе, Кира, — она сделала паузу, — тебе нужен настоящий мужик, который не будет сидеть на диване и ждать своей дозы.

— Мама, это кот.

— Я и про кота, и про тебя, — отрезала мама. — Смотрите вы одинаково: оба зависимые, без семьи. Оба сидите и ждёте, пока кто-то капнет.

Я не выдержала. Не потому, что мама была не права. А потому, что в её словах была доля правды, которую я не хотела признавать. Зося без валерьянки — это я без надежды. Сидим, смотрим, ждём.

— Мама, — сказала я. — Валерьянку не отдам. Кота кастрировать не дам. А мужика... — я вздохнула, — мужика найду. Когда ни будь.

— Найдёшь, — мама покачала головой, — ты сначала себя найди, а потом мужика.

Она убрала пузырёк в карман своего халата — она приехала в халате? Нет привезла с собой. Это мамин стиль — на всякий случай, чтобы быть готовой к ночлегу, если я «совсем пропадаю».

— Я себя нашла, — сказала я. — Я начальник финансового отдела. У меня есть кот., квартира, машина.

— А ночью? — спросила мама. — Кто с тобой ночью?

— Кот.

Мама посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом. В котором было всё: и любовь, и разочарование, и тоска по внукам, и усталость от того, что я никак не стану такой, как она хочет.

— Упрямая, — сказала мама. — Вся в отца. Он тоже думал, что он умнее всех. А помер один.

— Мама.

— Что мама? Правду говорю. Неприятную, но правду. Ты думаешь, работа — это жизнь. Нет, Кира. Работа — это способ не думать о жизни.

Мама ушла на кухню доставать из сумки соленья. Я стояла в коридоре, гладила Зосю, который тёрся о мои ноги, и думала: а ведь мама права в каждом слове. Но если я это признаю — то что? Я побегу рожать от первого встречного? Накапаю себе валерьянки и успокоюсь? Нет.

Я не мама. Мама родила меня в двадцать три, потому что «так надо». Вышла замуж за папу, потому что «пора». Жила с ним двадцать лет, потому что «куда ж я денусь». А потом он умер, и мама осталась одна — с котлетами, соленьями и привычкой командовать моей жизнью, потому что в своей жизни командовать уже некем.

— Мам, — сказала я, заходя на кухню. — Валерьянка остаётся.

Мама не обернулась.

— Знаю. Ты упрямая. Я уже поняла.

— И кот не кастрируется.

— Твой кот — твои проблемы.

— И мужика я найду. Когда буду готова, а не когда ты скажешь.

Мама повернулась, посмотрела на меня. В уголках её глаз блеснуло что-то влажное.

— Ты вся в меня, — сказала она. — Я тоже так говорила своей маме, твоей бабушке. А потом поняла: время есть, а выбора нет.

— Есть, мама. Всегда есть выбор.

— Выбор, — мама усмехнулась. — Это когда между двумя слитками золота выбираешь. А у тебя между кем выбор? Между котом и валерьянкой?

— Пока да, — сказала я. — Но это мой выбор.

Мама помолчала, потом вытащила пузырёк валерьянки из кармана халата и поставила на стол.

— Держи, — сказала она. — Только не пои кота, а то он у тебя совсем с катушек съедет.

— Не буду, — пообещала я. И соврала.

Мама ушла через два часа. Нажарила котлет, помыла посуду, переставила банки в шкаф так, что я теперь не найду гречку до следующей уборки. На прощание сказала: «Звони чаще, а то я сама звонить буду — чего ты не любишь».

Я закрыла дверь и прислонилась к ней лбом. Зося сидел на полу и смотрел на пузырёк валерьянки на столе. Потом перевёл взгляд на меня.

— Знаешь, Зося, — сказала я. — Моя мама считает, что мы с тобой одинаковые: оба зависимые и без семьи.

Зося моргнул.

— Она не права, — сказала я. — Потому что у нас есть семья: ты и я. Это уже семья, просто без котлет.

Зося подошёл к столу, сел под пузырёком. Посмотрел на меня. В его взгляде не было мольбы, было что-то другое. Мне показалось, что понимание.

— Не дам я тебе валерьянку, — сказала я. — Мама правду сказала, хватит наркоманить.

Зося вздохнул, так тяжело, как только может вздохнуть чёрный кот, чью мечту разбили на глазах.

— А вместо валерьянки, — сказала я, — давай котлету. Мама жарила, для внуков которых нет. Значит, достанется нам.

Зося чихнул. Согласился.

Я достала из холодильника тарелку с котлетами. Села на пол. Отломил кусочек и протянула коту. Он осторожно взял, брезгливо, с видом монарха, которому подали не тот сорт мяса. Но взял.

— Вот, — сказала я. — Мы с тобой ещё повоюем и с мамой, и с мужиками, и с валерьянкой. Но повоюем.

Зоя жевал котлету, зажмурившись от удовольствия. И я подумала: а ведь иногда счастье — это не валерьянка. Иногда это когда мама нажарила котлет, кот не сдох от передозировки, а ты сидишь на полу и понимаешь, что твоя семья — это не штамп в паспорте. Это тот, кто ест с тобой с одной тарелки. Даже если он — это чёрный, наглый кот и требует валерьянку каждую ночь.

Мама сказала: «Время есть, а выбора нет». А я думаю: выбор всегда есть. Я выбираю кота и котлеты. И наверно надежду. А валерьянку — потом. Или не потом. Но котлеты — точно.

Глава 4. «Доза №4. О том, как мужик в свитере с оленями научил меня жизни».

Это случилось во вторник.

Я сидела в своём кабинете и смотрела на экран. На нем не было отчёта или таблицы. Это был пустой экран, потому что мысли мои витали где-то далеко. Свидание с Сергеем-сантехником, его фигурки, три кредитки, его «мы друг друга стоим». Всё это крутилось в голове, как плохо записанная пластинка.

Плюс мама. Плюс кот, который смотрел на холодильник. Плюс НДС, который никак не сошелся.

— Кира Валерьевна, — раздалось за дверью голос Петровича. Обычный, деловой, чуть навязчивый.

— Да, Петрович, заходи.

Он зашёл не как обычно бумажками или отчётом, а с двумя кружками кофе. Одну поставил на мой стол, вторую оставил себе. Я заметила — кружки были разные. Моя — с надписью «Босс». Его — с надписью «Просто Петрович». Он сам их, что ли, подписал маркером? В прошлом году на корпоративе он подарил всем кружки с именами. Мою сделал с ошибкой: «Кира Валерьевна» без мягкого знака. Я сказала: «Петрович, где мягкий знак?» Он ответил: «А вы и без него, и с ним твёрдая». Я тогда не поняла, комплимент это или оскорбление. Да я до сих пор не решила для себя это вопрос.

— Это вам, — сказал он. — Без сахара. Вы же любите без сахара?

— Спасибо, Петрович, — сказала я. — Но в связи с чем такая забота? Отчёт опять не сделал?

— Отчёт сделал, — сказал он. — Даже проверил три раза. Это новая тема.

Я подняла голову. Петрович стоял у стола, мял в руках свою кружку, и выглядел он... иначе. Не как вечный «кофе-пьющий debil», а как человек, который собирается что-то сказать, но не знает, с чего начать.

— Садись, — сказала я. — Что случилось?

Он сел, но не на стул для посетителей, а на тот, что ближе. Потом взял паузу. Я бы назвала ее театрально выдержанной. Как говорил Уильям Сомерсет Моэм в своей книге «Театр»: «Никогда не делай паузу без нужды. А уж если взяла паузу, то тяни её сколько сможешь!». И Петрович тянул так долго как мог, что у меня даже закралась мысль прервать этот монолог без слов аплодисментами и криками «Верю и Bravo». Но в этот самый момент Петрович выдохнул фразу:

— Меня увольняют, Кира Валерьевна.

Я замерла.

— В смысле?

— В прямом. Новый управляющий сказал: «Петрович, вы хороший человек, но для современных реалий уже не подходите». Предложили расчёт и две недели на сборы.

— Филипп Сергеевич? — переспросила я.

— Он самый, — вздохнул Петрович. — Сказал, что мне пора на пенсию. Молодёжь мол быстрее работает, а я тормоз. Но мне осталось до пенсии еще пара лет, кому я сейчас нужен, меня никто не возьмет на работу.

Я молчала. Потому что, если честно, я сама иногда так думала. Петрович — медленный. Петрович — с его вечными «Кира Валерьевна, а можно к вам?». Петрович, который не умеет пользоваться Экселем и прячет отчёты в папку «Новая папка (5)», которая вложена в папку «Новая папка (4)», которая, в свою очередь, находится внутри папки «Новая папка (3)». Я однажды нашла там отчёт за позапрошлый год, он лежал рядом с фотографией его кота в новогоднем колпаке. Кот был пьян. Я не знаю, как это возможно, но факт остаётся фактом.

А однажды Петрович отправил письмо клиенту с темой: «Здравствуйте, уважаемый клиент, направляю вам счёт, а к нему прилагаю нашу любовь и надеюсь на взаимность». Клиент переслал письмо директору. Директор сказал: «Петрович, вы как думаете, мы букеты продаём?» Петрович ответил: «А что, такого я написал?» С тех пор он не пишет письма без моего одобрения.

Но это только мне можно думать про него гадости, а когда про Петровича говорит кто-то другой — особенно Филипп Сергеевич с его дешёвым костюмом и анекдотами про чукчу — это звучит не как правда, а как посягательство на мой отдел и мою власть. — Он не имеет права, — сказала я. — Ты работаешь здесь пятнадцать лет.

— Двадцать, — поправил Петрович. — Двадцать лет, Кира Валерьевна. Я помню, как вас сюда принимали. Вы тогда ещё были молодая, злая и в юбке, которая всем не нравилась.

— А теперь я старая, злая и в брюках.

— Теперь вы начальник, — сказал Петрович. — И хороший начальник, лучше, чем Филипп Сергеевич. У вас хотя бы чувство юмора есть, а у него — только чувство собственной важности.

Я хотела сказать что-то дежурное. «Всё наладится», «мы что-нибудь придумаем», «поговорю с ним». Но Петрович вдруг посмотрел на меня так, что все дежурные фразы застряли в горле.

— Кира Валерьевна, — сказал он. — А вы знаете, почему я кофе пью на совещаниях?

— Чтобы все видели, какой ты занятой?

— Нет, — сказал Петрович. — Чтобы не пить его в одиночестве и не плакать от безысходности в этот момент.

Я отставила кружку.

— Что?

— Не плакать, — повторил он. — Потому что, если я начну думать, я пойму, что дома меня никто не ждёт. Что дочь в Германии и звонит раз в месяц. Что жена ушла три года назад к соседу, который торгует запчастями. Что кот у меня есть, но такой же бесцветно серый как и я, глупый и даже валерьянку не нюхает. И что единственное, ради чего я встаю по утрам — это отчёт, который вы потом будете переделывать за меня.

Я молчала. Петрович — тот самый Петрович, который вечно путал Excel с Word, который чавкал на совещаниях, который прятал ошибки и ходил в свитерах с оленями — сидел передо мной с красными глазами и рассказывал о своей жизни так, будто это был не разговор с начальником, а исповедь в пустом храме.

— Петрович, — сказала я. — Я не знала.

— А кто знал? — он усмехнулся. — Вы думаете, я не понимаю, что я смешной? Я понимаю. Я знаю, что вы называете меня про себя «кофе-пьющий дебил». Я знаю, что отдел продаж ржёт надо мной. Я знаю, что Филипп Сергеевич терпит меня только потому, что я дешево стою.

— Неправда, — сказала я. — Ты стоишь не дешево.

— В деньгах? — спросил Петрович. — В деньгах — дёшево. А так — вообще ничего не стою. Я Кира, я пустое место. У меня нет ничего. Только бесцветный кот, который даже на руки не идёт.

Он замолчал и допив кофе, посмотрел на меня.

— А вы чего такая грустная сегодня? — спросил он. — Из-за меня? Не надо. Я привык.

— Не из-за тебя, — сказала я. — Из-за мужиков.

Петрович удивился.

— У вас проблемы с мужиками? Кира Валерьевна, вы красивая, умная. Такие мужиков сами выбирают.

— Выбирают, — сказала я. — Только выбирают неправильно.

И я неожиданно для себя рассказала про Антона, который ищет поддержку и требует, чтобы его решения не обсуждались, про Сергея-сантехника с тремястами фигурок.

Петрович слушал, не перебивая. Не говорил «всё будет хорошо». Просто слушал, как Зося, только без мурчания (хотя это было бы очень странно – мурчащий зам предпенсионного возраста).

— Знаете, Кира Валерьевна, — сказал он, когда я закончила. — А ведь я когда-то был молодым. И красивым, хотя сейчас в это трудно поверить. И девушки меня любили, а я выбрал не ту, которая потом ушла к соседу с запчастями.

— Ты о чём?

— О том, что выбор — это лотерея, — сказал Петрович. — Вы думаете, что у мужчины мечты есть список качеств? Нет. У мужчины мечты есть одно качество — он рядом и не уходит, даже когда вы злая, нет котлет и на вопрос об отпуске вы категорически не согласны друг с другом. Он остаётся. Как ваш кот.

— Ты сравнил мужика с котом, Петрович?

— А чем мужик лучше кота? — спросил Петрович. — Кот — он верный, не требует поддержки, не говорит, что его решения не обсуждаются. И мурлычет, когда вам плохо.

Я засмеялась в первый раз за день.

— Петрович, ты философ.

— Я старый дурак, — сказал Петрович. — Который двадцать лет просидел в финансовом отделе и ничего не понял в жизни. Но одно я понял точно: счастье — это когда тебя не увольняют и когда есть с кем выпить кофе.

Он встал, поставил пустую кружку на стол и посмотрел на меня.

— Вы не дадите меня уволить, Кира Валерьевна?

— Не дам, — сказала я. — Поговорю с Филиппом Сергеевичем. У меня есть один аргумент.

Петрович облегченно засмеялся.

— Спасибо, — сказал он. — И знаете что?

— Что?

— Вы зря переживаете из-за мужиков. Ваш мужчина мечты — он где-то рядом. Может, он просто не умеет говорить красиво или вообще не умеет говорить. Может, он сидит на холодильнике и ждёт, когда вы его покормите.

— Это кот, Петрович.

— Я и говорю, — сказал Петрович. — Главное — чтобы рядом, остальное приложится.

Он вышел, и я осталась одна. Взяла кружку, которую он мне принёс. Кофе был уже холодный, но вкусный. Я подумала: а ведь я смотрела на Петровича как на помеху, как на музейный экспонат и как на «кофе-пьющего дебила». И ни разу не спросила, что у него внутри. А внутри у него — бесцветный кот, ушедшая жена и страх оказаться никому не нужным, прямо как у меня. Только я это прячу за цинизмом, а он — за чашкой кофе.

Вечером я пришла домой, Зося предсказуемо сидел на холодильнике.

— Зося, — сказала я. — Петрович, оказывается, тоже одинокий. Но у него кот, правда в отличие от тебя, он бесцветный и глупый.

Зося спрыгнул, неторопливо подошёл ко мне и посмотрел на меня так, будто хотел сказать: «Я тебя сто лет предупреждал, что люди — сложные существа. Не все из них дебилы, некоторые просто устали».

— Да, — сказала я. — Я знаю. Сегодня я это поняла.

Зося потёрся о мою ногу, требуя свою долю ласки и признания.

— Завтра пойду к Филиппу Сергеевичу, — сказала я. — Скажу, чтобы не трогал Петровича. А если будет спорить, напомню, про контракт, который он согласовал, а тот чуть не принес нам банкротство. Я его спасла тогда и начальству не слила. Так, что ему пора отдать долг. В этот момент я почувствовала себя героиней нуара, превосходно владеющей искусством шантажа.

Зося чихнул. Одобрил. Я достала из холодильника котлеты и разогрела одну себе, половину — коту.

— Знаешь, Зося, — сказала я. — А ведь Петрович прав. Счастье — это когда не увольняют и когда есть с кем выпить кофе. Даже если этот «с кем» — старый чудаков в свитере с оленями.

Зося молча жевал котлету. Но я чувствовала: он согласен.

Иногда, чтобы увидеть человека, нужно перестать смотреть на него как на функцию. Петрович — не «кофе-пьющий дебил». Петрович — это тот, кто помнит, что я пью без сахара. И это, чёрт возьми, уже много. Лариса бы сказала: «Петрович? Он же старый».

А я теперь думаю: старый — не значит ненужный, как кот, как надежда, как старый холодильник, который жрёт электричество, гудит по ночам, но колбаса в нём не портится и выкинуть его нельзя — привыкли.

Глава 5. «Доза №5. Оливка во лбу, или как я стала легендой отдела».

Валерьянка в доме закончилась. Это случилось в субботу. Я открыла аптечку — пусто. Перетряхнула косметичку — ноль. Заглянула под ванну — там только старая тряпка и пауки, которые, судя по их расслабленным мордам, валерьянкой не интересовались.

Зося сидел на холодильнике и смотрел на меня с выражением наркомана, у которого ломка только началась, а дилер куда-то пропал.

— Не смотри так, — сказала я. — Не я её пила. Ты её пил, ты и страдай.

Зося издал звук. Короткий, резкий, похожий на «мяу», но с таким напором, будто он не просил, а требовал. Где моя валерьянка, Кира? Я чёрный кот, я не обязан терпеть твои финансовые трудности.

— Нету, — сказала я. — Сходи в аптеку сам. Лапки есть, хвост прилагается.

Зося спрыгнул с холодильника, так обиженно, тяжело, как будто его выгнали из рая за непослушание. Подошёл к дверце холодильника и замер. Не царапался, а просто молитвенно смотрел.

— Зося, там нет валерьянки, — сказала я. — Там колбаса и сметана, ну и твой любимый паштет. Но валерьянки там нет, хоть ты тресни.

Он не шелохнулся и продолжал смотреть. В этом взгляде было столько надежды и одновременно такого обречённого страдания, что я почувствовала себя последней сволочью.

— Ладно, — сказала я. — Завтра куплю.

Зося не поверил. Он вообще мне не верил с тех пор, как в прошлом году я сказала «купить новую когтеточку» и купила её только через три месяца. Для кота это вечность. Для кота три месяца — это три жизни. Он успел уничтожить два дивана, одни обои и мои чувства.

— Тебе бы в театр, — сказала я. — Будешь в «Кошкином доме» главную роль играть.

Зося развернулся и демонстративно ушёл в спальню, виляя хвостом так, будто писал этим хвостом заявление об уходе. Я осталась одна и тут вспомнила вчерашний корпоратив.

Это была отдельная песня, достойная оперы. Не потому, что я напилась — я вообще редко пью на корпоративах, потому что начальник финансового отдела на корпоративе — это как трезвый водитель на трассе: все вокруг в кювете, а ты стоишь и думаешь, как это всё спить.

Но в тот раз я выпила - немного. Гранада с шампанским — это коварная штука, потому что сначала кажется, что ты пьёшь лимонад, а потом понимаешь, что пьешь лимонад в космосе, где нет тормозов.

Корпоратив был в итальянском ресторане. Владелец — назовём его Борис Аркадьевич — решил, что «коллективу нужно поднять дух культурой и пастой». Борис Аркадьевич был хорошим начальником для всех, кроме своего кошелька. Он тратил деньги компании так, будто каждый месяц получал премию от Билла Гейтса за щедрость.

Ресторан назывался «Пьяцца Дуомо». Звучало дорого, а на деле — обычная забегаловка с итальянскими названиями и русскими официантами, которые на итальянском знали только «Чао» и «Грации».

Собрались все тридцать человек: бухгалтерия, финансы, отдел продаж и, конечно, Петрович, который пришёл в свитере с оленями, потому что считал, что олени — это празднично.

— Кира Валерьевна, — сказал Петрович, подходя ко мне с бокалом. — Вы сегодня прекрасны как ёлка.

— Спасибо, Петрович, — сказала я. — Ты тоже прекрасен как олень в прямом смысле.

Петрович обидеться не успел, потому что в этот момент все зааплодировали. Зашёл он - Управляющий. Филипп Сергеевич Крутов.

Сорок пять лет. Высокий, седой, с бородой, которую он называл «стильной небрежностью», а я называла «небритостью претенциозного козла». Человек, который мог испортить настроение одним взглядом, а совещание — одним словом. Обычно словом «нет».

— Дорогие коллеги! — сказал Филипп Сергеевич, поднимая бокал. — Я хочу выпить за вас. За нашу команду. За те результаты, которые мы показываем. И за то, что следующий год будет ещё лучше.

Все радостно закивали. Я тоже кивнула. Потому что, когда управляющий говорит тост, ты киваешь. Это инстинкт, как у собаки Павлова, только звонок — это его голос, а слюни — это твой годовой бонус. Потом началась еда: антипасты, брускетты, моцарелла, оливки.

Оливки были огромные. Зелёные, маслянистые, с косточками, которые выплёвывать надо красиво, в кулачок, но никто не умеет, потому что красивый плевок оливки — это миф, как единорог или мужчина, который сам выносит мусор.

Я ела оливки осторожно, потому что в дорогой одежде неудобно быть неловкой. Но Филипп Сергеевич не был осторожным. Филипп Сергеевич после двух бокалов просекко решил, что он — душа компании и начал рассказывать анекдоты. Плохие анекдоты. Про Вовочку, про новых русских, про чукчу, которые даже в девяностых были старыми.

— А вот ещё! — кричал он. — Идёт чукча по тундре, видит — олень стоит. Чукча говорит: «Ты кто?» Олень говорит: «Я олень». Чукча говорит: «А я чукча». Олень говорит: «А я тебя съем». Чукча говорит: «А я убегу». Олень говорит: «А я догоню». Чукча говорит: «А я...»

— Филипп Сергеевич, — сказала я тихо. — А можно я доскажу?

Он уставился на меня. Коллектив замер замер.

— Давай, Кира, — сказал он с усмешкой. — Раз ты такая умная.

— Чукча говорит: «А я позвоню в бухгалтерию, и тебе урежут бюджет на ягель». Олень замолчал, задумался и пошёл искать другого чукчу.

Тишина длилась ровно три секунды, потом фыркнул Петрович, сдержанно засмеялась бухгалтерия. Потом весь отдел продаж, который ненавидел Филиппа Сергеевича лютой ненавистью, потому что он забирал у них премии, заржал так, что упала вилка. Филипп Сергеевич побледнел.

— Очень смешно, Кира Валерьевна, — сказал он ледяным голосом. — Видно, что вы — финансист. Шутки у вас соответствуют.

— Я стараюсь, — сказала я. — Для коллектива.

Он отвернулся. Но осадок, как говорится, остался. Как косточка от оливки, которую я только что выплюнула в салфетку.

Дальше было больше. Выпили за успехи в уходящем году, потом за успехи в будущем. Выпили за то, чтобы не пить слишком много, но это уже было бессмысленно. Петрович рассказывал, как он в молодости ходил на охоту. Бухгалтерша Леночка плакала о том, что у неё кошка родила пятерых, и она не знает, куда их девать. Отдел продаж обсуждал нового клиента, который оказался мошенником, и это было смешно, потому что клиент должен был заплатить им миллион, а заплатил ноль. И потом случилась оливка.

Я не помню, как она оказалась на моей тарелке. Кажется, официант принёс новую порцию. Оливки были ещё больше, чем раньше. Жирные, сочные, аппетитные. Я взяла одну, покрутила в пальцах. В этот момент Филипп Сергеевич, который уже допил свой третий бокал, решил подойти ко мне лично. Поговорить по душам.

— Кира, — сказал он, наклоняясь так близко, что я почувствовала запах просекко и сигарет. — Ты хороший специалист, но у тебя есть один недостаток.

— Какой? — спросила я, не выпуская оливку.

— Ты слишком острая на язык, — сказал он. — Это мешает тебе в карьере. Я понимаю, ты женщина одинокая, тебе нужно самоутверждаться. Но иногда лучше промолчать, особенно когда разговариваешь с руководителем.

Я смотрела на него, на его самодовольное лицо, на дешёвый костюм (он экономил на одежде, потому что думал, что это идёт ему), на его бороду, в которой, кажется, застрял кусочек брускетты.

— Филипп Сергеевич, — сказала я. — А вы знаете, что такое финансовая ответственность?

— Что? — не понял он.

— Это когда вы отчитываетесь за свои слова. Вот вы сейчас сказали, что я самоутверждаюсь. Это заявление. У вас есть доказательства?

Он опешил.

— Кира, я же в переносном смысле...

— А я в прямом, — сказала я.

И тут я хотела положить оливку обратно на тарелку, но рука дрогнула. От злости, от вина, от того, что этот козёл с бородой стоит надо мной и учит меня жизни, когда сам боится открыть рот на совещании с владельцами компании. Оливка вылетела, но не упала на пол и не откатилась под стол, как полагается порядочной оливке. Она полетела прямо в Филиппа Сергеевича. И попала, точно в лоб. Зелёная, маслянистая, с косточкой, которая оставила жирный след прямо между бровей. Я замерла. Он замер. Весь ресторан замер.

Потом Петрович, который сидел рядом, сказал шёпотом, но так, что слышали все:

— Ну, Кира Валерьевна, вы даёте.

Я хотела извиниться. Честно. Даже уже открыла рот, но вместо «извините» помимо моей воли вылетело:

— Это была не я. Это гравитация.

Филипп Сергеевич медленно вытер лоб салфеткой, посмотрел на оливку, потом на меня.

— Кира Валерьевна, — сказал он. — В понедельник я жду ваш отчёт по оптимизации. В полном объёме и без шуток.

— Не вопрос, — сказала я. — И без оливок.

Я решила, что больше я не пью на корпоративах. Ни гранты, ни шампанского, ничего. Потому что финансист с оливкой во лбу управляющего — это забавно для анекдота, но для отчёта по оптимизации — смертельно.

На следующий день Лариса позвонила и сказала:

— Кира, я слышала, ты вчера устроила цирк?

— Какой цирк? — спросила я невинно. — Я просто оливку уронила.

— В лоб управляющему?

— В лоб, — согласилась я. — Но оливка была вкусная. Он её заслужил.

— Ты ненормальная, — сказала Лариса. — Тебя же уволят.

— Не уволят, — сказала я. — Я слишком хороший финансист и они это знают. А если уволят, я пойду работать в другой змеиный питомник. Их много, змеиных питомников. На всех хватит.

Лариса вздохнула. Так же глубоко, как на прошлой неделе, когда узнала, что я не буду встречаться с Антоном.

— Кира, — сказала она. — Тебе нужен мужик.

— У меня есть кот.

— Кот не считается.

— А сантехник с аниме-фигурками считается?

— Сергей хороший, — сказала Лариса. — И ты к нему присмотришься, а не оливки в начальство кидай.

Я не стала спорить, положила трубку и посмотрела на Зосю, который всё ещё сидел у холодильника и молитвенно смотрел на дверцу.

— Слышал, Зося? — спросила я. — Мне нужен мужик. Не кот, не сантехник, не оливка. Мужик: нормальный, без аниме, без требований. Просто мужик, который не боится, что я умнее.

Зося не обернулся. Он продолжал смотреть на холодильник и в этом взгляде было что-то такое... человеческое, что ли. Как будто он хотел сказать: «Кира, я понимаю твою боль. Я сам сейчас смотрю на дверцу, за которой нет валерьянки. И я знаю это чувство. Когда хочешь, а нет. Когда ждёшь, а не приходит. Мы с тобой одной крови, Кира. Ты и я. Наркоманы надежды».

Я подошла, погладила его по голове.

— Завтра, Зося, — сказала я. — Завтра я куплю новую валерьянку и новую надежду. И нового мужика. Или не нового. Или никакого. Но валерьянку — точно.

Зося чихнул. Поверил. Нехотя. С сомнением. Но поверил. А что ему оставалось? Он же кот.

Он умеет только ждать и молиться на холодильник.

Глава 6. «Доза №6. Как я стала арбитром в театре абсурда».

В понедельник с утра я поняла, что неделя будет долгой. Потому что в девять тридцать в мой кабинет без стука влетел начальник юридического отдела Марк Эдуардович. Это был мужчина пятидесяти двух лет с идеальным пробором, идеальным костюмом и идеальной способностью говорить «согласно пункту договора» даже когда его спрашивали «как дела».

— Кира Валерьевна, — сказал он с порога. — Я вам направил по чату документы. Вы их видели? Надеюсь, вы осознали глубину возникшей проблема.

— Здравствуйте, Марк Эдуардович, — сказала я, не отрываясь от экрана. — Что на этот раз? Опять клиент не оплатил услуги по акту, который вы сами согласовали?

— Клиент не оплатил услуги по акту, который согласовал не я, а мой подчиненный (факт делегирования зафиксирован в цепочке движения документа) и согласование было под давлением коммерческого отдела, — поправил он. — Но сейчас не об этом. Проблема в другом. Директор вызвал всех на ковёр через час. Решается вопрос о моей премии.

— И чужой, — добавил я.

— Что?

— Ничего. Рассказывайте.

Марк Эдуардович сел на стул для посетителей и начал. История была мутная, как вода из-под крана в старом доме. Суть: крупный клиент, «Рога и Копыта Инвест», подал в суд на нашу компанию из-за того, что мы якобы не выполнили условия контракта. На самом деле — и я это знала, потому что видела все платежи — клиент сам задержал аванс на три недели, а потом решил переложить вину на нас. Классика.

— Я подготовил правовую позицию, — Марк Эдуардович положил на стол толстую папку. — Ссылки на статьи, судебная практика, аргументы. Вина полностью на клиенте. Юридический отдел как всегда всех спас. Я молодец!

— Вы молодец, — повторила я машинально.

— Главное, чтобы директор это понял, — сказал он и вышел.

Я не успела открыть папку, потому что в кабинет ворвался начальник службы безопасности. Его звали Роман Игоревич. Бывший военный, ныне — человек, который видел шпионов в каждом курьере и диверсию в каждой просроченной накладной.

— Кира Валерьевна, — сказал он голосом, которым, наверное, командовал ротой в Чечне. — У нас завелся крот.

— Крот? — переспросила я. — В смысле — животное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.